

Цинь Юя доставили в медицинский блок. Даже погружённый в глубокое беспамятство, он непрерывно бредил именем Су Юэ — с такой глухой, неутолимой ненавистью, будто тот был его заклятым врагом. Слух об этом происшествии стремительно разнёсся по штабу Министерства вооружённых сил.

Сяо Юань вызвал Чжоу Лияня к себе в кабинет и, налив ему чашку свежесваренного чая, как бы между прочим заметил:

— Я всегда без опаски доверял тебе дрессировку Кея. Но всё же не перегибай палку. Мы всё ещё на этапе сбора кадров, и подобная жестокость может попросту перепугать людей.

Чжоу Лиянь, облачённый в безупречно белый халат, принял фарфоровую чашку, сделал мелкий глоток и спокойным, ровным тоном проговорил:

— Я и так проявил милосердие. Иначе он до конца дней остался бы прикован к койке, подсоединённый к аппаратам искусственного питания.

Сяо Юань усмехнулся:

— Опять из-за Су Юэ? Стоит делу коснуться его, и ты теряешь выдержку. На тебя не похоже, профессор Чжоу.

Чжоу Лиянь слегка нахмурился:

— Я действовал строго в рамках регламента. В этой операции Цинь Юй не имел права раскрывать карты Су Юэ.

— А разве это плохо? — с подтекстом произнёс Сяо Юань. — Раз уж подполье вскрылось, у нас появился отличный шанс проверить решимость нашего лучшего агента. Если он своими руками разгромит основные силы «Тёмного Ворона», значит, предан нам до конца.

Поглаживая пальцами тёплые бока чашки, Чжоу Лиянь задумчиво ответил:

— Официальный боевой ранг Су Юэ — «А», но его состояние крайне нестабильно. В большинстве случаев его показатели держатся на уровне «В». Если он столкнётся с верхушкой «Тёмного Ворона» один на один, живым ему не выбраться.

Сяо Юань пренебрежительно отмахнулся:

— Пусть пробует. Выберется живым — запишем в заслуги. Погибнет — развеет наши сомнения. В любом случае мы ничего не теряем.

Чжоу Лиянь сдержанно напомнил:

— Министр, если произойдёт накладка, мы лишимся самого выдающегося агента, которого вырастил Центр возвращения талантов.

Сяо Юань поднял на него тяжелый взгляд:

— Я не люблю диких тварей, сколько их ни корми. Последние действия Су Юэ похожи на завуалированный бунт. Тебе стоит подготовиться к зачистке. Что до Цинь Юя — я считаю, он поступил правильно. Его проверка имела смысл.

Чжоу Лиянь вспомнил, что именно Сяо Юань когда-то привёл Кея за руку и рекомендовал его в Центр возвращения талантов. В голове профессора поневоле возникли догадки о характере их отношений.

Поразмыслив пару мгновений, он уступил:

— Понимаю. Регулярные взыскания для Цинь Юя отменяются. За Су Юэ я присмотрю лично. Раз уж его раскрыли, Министерство всё равно не успеет выслать подкрепление. Пусть пеняет на свою судьбу.

Сяо Юань с удовлетворением подошёл к нему и похлопал по плечу:

— Вот и ладно, Лиянь. Займись Кеем. Он куда послушнее Су Юэ.

Чжоу Лиянь кивнул и вышел. Он чеканил шаги в строгом, неизменном ритме, но в глубине его глаз затаилось надменное презрение.

«Разве сравнится дикая тварь с домашней? Непослушного питомца нужно учить: где плетью, где словом. Выдрессировать — и дело с концом. Зачем сразу пускать в расход? Сразу видно: министр Сяо абсолютно не умеет обращаться со зверьём».

Прошло несколько дней. Су Юэ снова не сомкнул глаз ни на минуту.

Впрочем, на его состоянии это почти не сказывалось: в Центре возвращения талантов не смыкать глаз по несколько суток подряд было обычным делом. Привычка обходиться минимумом сна помогала при выполнении особых поручений, так что он давно перестал замечать подобную усталость.

Утро для Чжао Цина началось с острой боли в ране. Не касаясь живота, он с непроницаемым лицом поднялся с кровати, привычно умылся, оделся и разложил документы, рассчитывая заглушить боль рутиной.

Но стоило ему протянуть руку за стаканом ледяной воды, чтобы хоть как-то сбить жжение внутри, как его запястье перехватил Попугай.

Чжао Цин вопросительно изогнул бровь.

— Сначала завтрак, — ровным голосом произнёс Су Юэ. — Специальный рацион для раненых: легко усваивается, высокая питательность.

С этими словами он поставил на рабочий стол поднос с только что принесённой едой.

Отставив ледяную воду, командир послушно уселся в кресло и принялся за утренний рацион. Он ел, время от времени поглядывая на Попугая с ироничной усмешкой — да так пристально, что тот едва заметно нахмурился.

Су Юэ вскинул взгляд и сухо спросил:

— Командир, будут приказания?

Чжао Цин сделал глоток питательного раствора и небрежно отозвался:

— Никаких. Просто подумал: торчу тут на сиделке, даже заняться толком нечем.

«Заняться?» — бесстрастно подумал Су Юэ.

Разобравшись с завтраком, Чжао Цин вальяжно откинулся на спинку кресла. После целого утра работы со служебными бумагами он поднял взгляд от документа и наткнулся на Попугая, с невозмутимым видом помогавшего ему разбирать архив. Внимание командира тут же переключилось.

Пулевое ранение в животе напоминало о себе непрерывной, пульсирующей болью. Его собственное оружие и особые боеприпасы оставляли тяжёлые последствия — ноющая боль вгрызалась в нутро, и одной лишь погружённости в работу уже не хватало. Чтобы отвлечься, требовалось нечто иное.

Чжао Цин постучал костяшками пальцев по столу. Дождавшись, пока Попугай поднимет голову, он с подвохом спросил:

— Ты, кажется, не привык спать днём?

Су Юэ молча кивнул. Он и впрямь не нуждался в длительном отдыхе.

Чжао Цин захлопнул папку:

— А вот у меня такая привычка есть. Пойдём, после обеда полежишь со мной.

«С каких это пор у него завёлся такой обычай?» — удивлённо подумал Су Юэ. В прошлые дни ничего подобного не наблюдалось. Впрочем, спорить с раненым себе дороже. Полежать так полежать — экая невидаль.

Задёрнув плотные шторы и погрузив комнату в полумрак, Су Юэ прилёг на край, намереваясь прикрыть глаза и упорядочить мысли. Но не успел он выстроить в голове и пары логических цепочек, как Чжао Цин протянул к нему руку.

Среди бела дня... он это серьёзно?

Су Юэ отодвинулся чуть глубже к стене и с немым укором уставился на Чжао Цина:

— Вы же собирались спать.

— Чего увливаешь? — фыркнул Чжао Цин. — Раньше за талию хватать не стеснялся, а теперь и к груди прикоснуться боишься?

У Су Юэ не было привычки донимать нездоровых людей, но, помявшись секунду, отталкивать Чжао Цина он не стал.

Придвинувшись ближе, Су Юэ подался вперёд и прижался губами к шее командира, оставляя нежные, невесомые поцелуи и спускаясь всё ниже.

— Командир, — тихо, с приглушённой хрипотцой проговорил он, — слишком больно?

Зрачки Чжао Цина на мгновение сузились, но он тут же ухмыльнулся:

— С чего бы? Обычная царапина от пули. Просто скука одолела, вот и решил развлечься. — Он сжал пальцами волосы Су Юэ, заставляя того поднять голову, и прищурился: — Не хочешь — не насилуй себя. Не делай вид, будто я тут невинного юношу принуждаю.

Су Юэ едва слышно вздохнул. Он понятия не имел, как заглушить эту врождённую, болезненную чувствительность Чжао Цина к боли. Но если наслаждение способно хоть

немного вытеснить муку... что ж, ублажить командира — не самая высокая плата.

— Я не против, — небрежно отозвался он. — Просто вы ещё слабы. Боюсь, много вынести не сумеете.

Чжао Цин моментально уловил подтекст: Попугай намекал на его неполноценность и намекал, будто он «не вместит».

— По-твоему, из-за такой мелочи я согнусь? — с ядовитой усмешкой выплюнул Чжао Цин. — Кого ты списать со счетов решил?

Су Юэ рассудил, что спорить бессмысленно. Выносливость у обладателей ранга «А» и впрямь колоссальная, а разумная разрядка ускоряет восстановление. Значит, стоит подойти к делу со всей серьёзностью.

Спустя несколько часов.

Су Юэ провёл ладонью по влажной простыне и вкрадчиво заметил:

— Командир, вытекает.

Чжао Цин тяжело, прерывисто дышал:

— Заткнись.

— Мышцы не держат? — заботливо уточнил Су Юэ.

Чжао Цин сжал пальцами измятую ткань:

— Я сказал: замолчи!

Су Юэ бережно сгрёб обессиленного мужчину в охапку и начал медленно покрывать поцелуями его лицо, сжеживая чужое сбитое дыхание.

— Командир... всё ещё больно? — тихо прошептал он.

Этот вопрос предназначался не только Чжао Цину, лежащему с простреленным животом, но и тому Чжао Цину из прошлой жизни — закованному в кандалы, висящему в сырой камере. В

глубине тёмных глаз Су Юэ затаилось то, чему не было названия.

Изнурённый Чжао Цин лениво перевернулся на бок, совершенно игнорируя ноющую рану на животе. Терпеть боль было для него давней, доведённой до автоматизма привычкой.

— С чего вдруг? — удивлённо хмыкнул он. — Я хоть раз стонал от боли?

Это казалось нелогичным. Кроме Сяо Цыня, никто не знал о его невероятном пороге чувствительности — подобная особенность была не преимуществом, а опаснейшей уязвимостью.

Не дождавшись ответа от Попугая, Чжао Цин решил, что тот сомневается, и уверенно добавил:

— Рана затягивается. Почти не болит.

Су Юэ едва заметно улыбнулся и прикоснулся губами к уголку его глаза — точно так же, как когда-то мечтал прикоснуться к тому единственному взгляду, который Чжао Цин бросил сквозь бронированное стекло, так и не решившись посмотреть на него прямо.

— А мне кажется, больно, — тихо пробормотал Су Юэ. — Я чувствую, как вам больно.

— Вам нужна помощь.

Всего лишь стеклянная перегородка. Разбить её тогда не составило бы никакого труда. Вытащить человека из самого охраняемого бункера Министерства вооружённых сил — задача сложная, но не невозможная.

В прошлой жизни Су Юэ даже не качнулся. Ни на миг, ни единым мускулом на лице не выдав сомнения.

В этой жизни... если судьба вновь столкнёт их лицом к лицу перед таким же выбором, он, возможно...

Услышав эти слова, Чжао Цин на мгновение оцепенел. Затем сжал зубы и сдавленно, хрипло прорычал:

— Завязывай с такой «помощью»... Ты что, решил меня насквозь пробить?

Су Юэ ничего не ответил.

<http://bllate.org/book/20705/2162705>